

3	0077	ВЛАДИМИР НАРБУТ	"Двойник"
---	------	-----------------	-----------

"Двойник" (Коренблит – Нарбут)

От собеседника

Владимир Нарбут принадлежит к малоизученной и знакомой широкому кругу читателей плеяде поэтов Серебряного века (а точнее к акмеизму), о которых до недавнего прошлого ничего узнать было практически невозможно. Хотя бы по той причине, что его жизнь окончилась в одном из лагерей нашего постыдного сталинского времени. Оттуда он писал своей любимой жене о любви к родине, о лояльности к режиму, но тщетно - его, фактически уже инвалида, продолжали умерщвлять, как и миллионы других людей. Подумаешь поэт! У нас, мол, их ещё народится вдоволь! Ан, нет! Двадцатому веку пришел конец, да и у тысячелетия та же участь, а в поэзии не наступил, ну хотя бы "бронзовый", век. "Каменный" или "железный" век - скорее всего его назовут потомки, от которого едва ли останется десяток достойных имён. Остальные обречены на определение и м и т а т о р. Причём о своём подражании большинство даже не догадывается, а если бы хорошенько изучили то, что было уже создано - у многих отшибло бы охоту "изобретать велосипед". Этот Нотный портрет - мое покаяние перед забытым Поэтом.

"Двойник" – в данной работе имеет несколько большее значение, чем обычно. Помимо основного смысла этого слова я хотел бы обратить внимание Слушателя на совпадение жизненных кругов (спиралей), где и когда бы они с ним не происходили: в городе или деревне, на родине или в скитаниях по чужим странам, в течении года или нескольких лет - всё равно повтор, совпадение, двойник ситуации, когда-то произошедшей с тобой, со знакомым или близким тебе человеком.

Ваш Станислав Коренблит

1. Захолустье	- 1.17
2. Пробуждение	- 1.20
3. Сад	- 1.40
4. Гроза	- 1.01
5. После грозы	- 1.30
6. Сосны	- 1.00
7. Природа	- 0.58
8. Людская повесть	- 1.34
9. Ласкай	- 1.19
10. Август	- 1.47
11. Зачем мне осень?	- 1.11
12. Сказка	- 1.06
13. Каменная баба	- 1.38
14. Обманувшая любовь	- 0.50
15. Уходящая зима	- 1.14
16. На колокольне	- 1.42
17. Радуга	- 1.01
18. Моряки	- 1.25
19. У моря	- 1.23
20. Танцовщица	- 1.30
21. Певец	- 1.07
22. Двойник	- 1.32
23. Встреча	- 1.25
24. О прошлое!	- 1.45
25. Зачем?	- 2.15

Общее время звучания – 34.30

СОДЕРЖАНИЕ

1. ЗАХОЛУСТЬЕ

Прилипли хаты к косогору,
Как золотые гнезда ос.
Благоговейно верят взору
Ряды задумчивых берез.
Как клочья дыма, встали купы,
И зеленеет пена их.
А дали низкие - и скупы,
И скрытны от очей чужих.
Застенчиво молчит затишье,
Как однодневная жена.
И скромность смотрит серой мышью
Из волокового окна.
А под застрехой желто-снежной -
Чуть запыленный зонтик ос.
И веет грустью безнадежной
От косогора, хат, берез.

2. ПРОБУЖДЕНИЕ

Свежает. В побледневшем небе
Еще стоит одна звезда.
Она четка, как яркий жребий,
Красна, как медная руда.

Но и она жива минутой,
Но и она потухнет вдруг!
Каймой широкой и согнутой
Ушел в туманы росный луг.

И на пригорке посизевшем
Заметны знаки уж утра:
Обдаст лицо теплом осевшим
И дымом позднего костра.

3. САД

Амфитеатром сад сошел
На луг с звенящею канавой.
А там – напевы диких пчел
И ос, баюкающих травы.

Еще холодная коса
Стеблей цветочных не коснулась,
И серебром лежит роса,
И ива аркою согнулась.

И луг живёт. А утро светит.
И воздух чист и голосист.
И вешний миг скворец приветит,

И томно-долго иволг свист.

Берез веселый хоровод
Шумит, сверкая и белея:
Кругами мерными идет
На луг зеленая аллея!

И яблоня, в наряде Мая,
Под снежно-розовой фатой
Замлела, платье подымая
Над осторожной высотой.

И старый тополь - точно маг
В остроконечной темной шапке.

А аист грезит на часах,
Как бы держа гнездо в охапке...

4. ГРОЗА

Сверкали окна пред грозой,
Как полированная сталь.
И дождь косою шел полосой,
И грохотала грузно даль.

Лес понижал и посерел
В колонне первой дождевой.
И хутор скорбно присмирел
И стал заплаканной вдовой.

Зернистый дождь по камышу
Покатых крыш застрекотал.
И в огороде чрез межу
Крапиву ветер закатал.

Но скоро шумное каре
Вождь тучевой к реке увел.
Сияет в млечном серебре
Березы влажный ствол.

5. ПОСЛЕ ГРОЗЫ

Кудрявых туч седой барашек
Над неба синей полосой
И стебли смятые ромашек -
Следы, забытые грозой.
Она промчалась над лугами,
Бесцеремонно грохоча,
И, издеваясь над ольхами,
Пугала лезвием меча.
Но ветер, хлынувший из рощи,
Как перья легкие, разнес
И облаков сквозные мощи,

И хохот каменных угроз.
 И день, склоненный полумраком,
 Опять серебряно парит,
 И солнце вновь расцветшим маком
 В выси поднявшейся горит.

6. СОСНЫ

Нынче четный високосный
 Золоченый год.
 В желтой пыли млеют сосны:
 Каждая цветет.

От зацветов легковейных
 Тяжело дышать,
 В синих воздуха бассейнах -
 Пуха благодать.

Ветра нет, да и не надо:
 Зреют семена.
 Пней ветшалая ограда
 На бугре видна.

Хвоя стынет. Иней кинет.
 Смотрит дуб-бобыль:
 Цвет янтарный паутинит
 Золотую пыль.

7. ПРИРОДА

Налег и землю давит Зной,
 И так победно, так могуче,
 Что там, вверху, над крутизной
 Застыли мраморные тучи.

И не идут, оцепенев,
 И словно ждут в выси кого-то...
 В лесу качает птиц напев
 Зеленоокая Дремота.

Оса забила под траву.
 Кукушки зовы все ленивей.
 И где-то там - в лесу? на ниве? -
 Звенит протяжное: ау...

8. ЛЮДСКАЯ ПОВЕСТЬ

Летучей мыши крыло
 задело за сердце когтем, -
 и грудь - пустое дупло,
 хоть руку засунь по локоть.

Сегодня, завтра, вчера -
 все тот же сумрак в деревьях:

кленовые вечера
в раскидистом, добром чреве.

Нет плоти и - нет греха,
нет молний мертвецких ночью...
Сутулого жениха
заластили по-сорочьи.

Как вздернут лукавый нос!
И солнце поет в веснушках!
Худой, привязчивый пес –
я с Вами, моя пастушка!

Лиловое, синь кругом: цветочки:
иван-да-марья.
Откуда же этот гром,
удушье тягучей гари?

Ах, девушка, всех милей,
не девушка, а наяда...
Душа! Как пес, околей!
Под тыном валяйся, падаль!

9. ЛАСКАЙ

Ласкай меня... Ласкай, баюкай...
Уж недалеко те часы,
Когда единственной порукой
Мне будет – лента из косы.

Твое прощание так нежно,
Как будто умираю я...
И грусти тихой безмятежно
Находит флер, огонь тая...

Наивно тонкими руками
Ты обвиваешь шею мне...
Ласкай, ласкай!.. Мы в вечном Храме
Горим на медленном огне...

10. АВГУСТ

Снова август светлый и грустящий,
Снова тишь и неба синева;
Бродят вздохи, шорохи по чаще,
Звоны ветра слышатся едва...

Просипит кузнечик на припеке
И заглохнет. Пахнет листопад.
Листья льнут к земле, как лежебоки;
Перегнутой лесной ореху рад.

И дубы уже роняют желудь -
 Колобками скатанный янтарь.
 Если хочешь зря посвоеволить,
 Подойди к дуплу и в сук ударь.

И в ответ – не гулко и не глухо –
 Звякнет домовитое дупло:
 Дремлют в нем теперь жуки и мухи.
 Все, что смутно к лету отошло.

Все, что было раньше непонятно,
 Стало ясным, чистым, как хрусталь:
 Эти звуки, эти тени - пятна,
 Эта леденеющая даль!

Оттого-то небо умиленной,
 Блеск от солнца – суше и косей, -
 И на кровью опалённом клене
 Связки лап зарезанных гусей...

11. ЗАЧЕМ МНЕ ОСЕНЬ

Уж дни заметно коротают,
 И аист грустно смотрит в даль,
 Где вереницей птицы тают.
 И у меня в душе - печаль...

Да, скоро быть гнезду пустому!
 И на задымленной трубе
 Никто не сгонит дней истому,
 Покорную своей судьбе.

Зачем мне осень золотая,
 Когда опять я одинок!
 Вот птица села, отлетая,
 В гнезда чернеющий венок

И смотрит умными глазами -
 Поджарая - на все пути...
 И грустно так, что тени сами
 Мне шепчут тихое - прости...

12. СКАЗКА

Улыбнулся древнею улыбкою -
 Холодна улыбка полумесяца! -
 И застыл над люлькой ночи зыбкою,
 Чтоб загрезил тот, кому не грезится.

Бледным пеплом поле заморозило,
 Замело пригорки за провальями,
 В просини позеленело озеро

Под березами светло-усталыми.

Тени в ужасе успели вырасти
Длинными, как повилики, стеблями,
И плеснулся воздух тягой сырости,
Чьими-то губами чуть колеблемый.

На паучьих лапах на прогалину
Выполз лесовик, в ручье полощется...
И в ручье болтается оскаленный,
Тот, пред кем закоченела рощица...

13. КАМЕННАЯ БАБА

И брови, легкие, как два пера,
Над изумленной изумрудной бездной;
И подбородок (из-под топора),
Углом обрубленный, сквозь синь железный;

И голос властный, вкрадчиво певучий,
Так скупко опыляющий слова;
И пальцы-щупальцы, что по-паучьи
Дотрагиваются едва-едва.

Пугало, колдовало и влекло
Меня неодолимою стремниной.
Как ненадежно хрупкое весло!
И как темны вампирьи именины!

Но сквозь румяна и трущобы бреда
На колеснице мчась, как фараон,
Я настигала в нем не людоеда,
Восставшего из канувших времен;

И не монаха, огненной трубой
Из гроба ринутого на ухабы.
- С презрительно отваленной губой,
Зачем так давишь, каменная баба?

14. ОБМАНУВШАЯ ЛЮБОВЬ

Под вечер уходить люблю
Я в мыслей долгую аллею.
И в мыслях горьких, как в хмелю,
О настоящем лишь скорблю,

Но о былом я не жалею...
Все ж, не жалея, дорожу
Я промелькнувшим каждым мигом.
В шкафу стеклянном ворошу,

И, находя цветы по книгам,

Я в лихорадке вновь дрожу.
 О обманувшая любовь!..
 Я не постиг заветной тайны,

Но ты, язык, не суесловь:
 Ах, как заржавленная кровь,
 Лежат цветы в пыли случайной!..

15. УХОДЯЩАЯ ЗИМА

Зима уходила, рыдая
 В сияньи безбурного дня,
 И следом Весна молодая
 Пришла, все в лесу зелена.

Овраги гудят и бушуют,
 Ломая сквозь челюсти лед,
 И ивы корявые чуют
 И Пасху, и с ней хоровод.

А солнце лучи, точно струны,
 К земле протянуло, чтоб петь,
 И гусли играют так юно,
 Как звонкая, звонкая медь.

На след осторожно ступая,
 Уходит от юркой Весны
 Обижено даль голубая,
 Лишь банты от шляпы видны.

16. НА КОЛОКОЛЬНЕ

Синий купол в бледных звездах,
 Крест червонней поздней ржи.
 Летом звонким режут воздух.
 Острокрылые стрижи.

А под маковкой за уши
 Кто-то Темный из села,
 Точно бронзовые груши,
 Прицепил колокола.

И висят они, как серьги,
 И звонят к Христову дню.
 В меловой живя пещерке,
 Голубь сыплет воркотню.

Вот, в ветшающие сени
 Поднимается старик.
 И кряхтят под ним ступени,
 И стеной добреет Лик.

И рукой дрожащей гладит

Бронзу сгорбившийся дед:
Ох, на плечи в тихом ладе
Навалилось много лет!

17. РАДУГА

Уж солнце, отойдя к лугам,
Запало в глубь далеких рощ;
И по широким лопухам
Закапал редкий крупный дождь.
За буйною слезой слеза
Ударила в стекло окна;
Сверкнула молния в глаза,
Блеснула пламенем она, -
И гром раскатом дом потряс,
И серый сумрак двор закрыл...
И щедрый ливень добрый час
Шумел в саду и воду лил...
Затем, когда гроза ушла, -
Лужайка стала озерком,
И в небе радуга легла
Зеленоватым ободком.
Свистели иволги, и свист
Переливался и звенел;
Ручей болтал, журчал и пел,
И сад был ярок, свеж и чист...

18. МОРЯКИ

Гудок стремительный, и – в море
Отваливает пароход.
В каюте, в тесненькой каморе
Мы прокоптились целый год.

По кабакам, по дырам порта –
кататься надоело нам.
На суше быть?! Какого черта,
Коль счет утратили мы дням.

Морского не унять повесу:
Ему ль заказаны пути
Из Севастополя в Одессу,
Из Сингапура в Джабути!

Под ветром парус, словно вымя,
Все туже, туже, - прет дугой,
И над просторами живыми
И горизонт совсем другой!

Сияйте, чайки! И дельфины,
Дробите хлябкий антрацит,
Гранатов сладость, горечь хины

Нам край иной предвозвестит...

19. У МОРЯ

Море нежно-голубое
В золотисто-ярких блестках
Ходит гривами прибоя –
Балерины на подмостках!

Над обрывом – зонтик дачи.
Там фонтана зыбкий посох
Золотые будит плачи,
Там балкон алеет в розах.

В платье белом и кисейном
Вы прошли в свою беседку...
Тянет вздохом легковейным
Ветер морем солнца сетку.

И, сверкая, убегает
Гладь воздушно-голубая,
И в дали червонной тает,
Скалы-конусы купая.

Камни светят, как стеклярус,
На песчаных дна откосах.
И бессильно виснет парус.
И балкон весь в сонных розах.

20. ТАНЦОВЩИЦА

Степного ветра легковейней
Скользит по мягкому ковру,
И флейта грустная в кофейне
Поет и плачет, как в бору.

Надежда верная в несчастьях
Рабе - как вихорь здесь нестись.
И ноги смуглые в запястьях
Сверкают одаль, как и вблизи.

Граненый день пред падишахом
Под тамбурин, гремя, пляши.
И жемчуг вышит по рубахам,
По шелку желтому межи.

А там - оазис и цветенья
Кровавых кактусов зимой,
Там баобаб широкой тенью
Накрыл песок, в ветрах хромой.

Тут в волнах слабого тумана
Лишь лица видишь впереди,
И в струйках сладкого кальяна –

Кружись, греми, сверкай, лети.

Поет свирель про грусть в кофейне.
 Как мхи махровые, ковры.
 Степного ветра тиховойней
 Скользит она - раба игры.

21. ПЕВЕЦ

Высоким тенором вы пели
 О чем-то грустном и далеком...
 И белый мальчик в колыбели
 Глядел на мать пугливым оком.

А звонкий голос веял степью –
 Но с древней скифскою могилой!..
 И к неземному благолепию
 Душа томительно сходила...

И глаз огромной черной вишней
 С багряно-поздней позолотой
 Смотрел недвижно, будто Кто-то
 Уже шептал о жизни лишней...

22. ДВОЙНИК

Заголубели нежно стекла,
 И тихий вечер - как печаль.
 Но лишь свечу зажгли, поблекла
 И потемнела окон сталь.

Встает тоска, идет упрямо,
 Чтоб образ прошлого возник.
 И свет свечи в окне, за рамой -
 Как опрокинутый двойник.

Он золотеет, он трепещет,
 Чуть огонек я колыхну,
 Он, отражаясь, грустно блещет,
 Смотря за стены - на весну...

Я вспоминаю юность снова:
 Ушла как скоро и тайком!
 И призрак счастья молодого
 Стоит знакомым двойником...

23. ВСТРЕЧА

Тебя забыл я... И какою
 Ты предо мной тогда прошла,
 Когда к вечернему покою
 Сходила мгла на купола?..

В равнинном устье бесконечно
 Текли позорные года.

Я думал: уж тебя, конечно,
Не повстречаю - никогда...

Но как обманут был нежданно:
Стекло зеркал ночных следя,
Заметил профиль сребротканый
И лилию - хрустальной льда!

И вот - ты предо мной в тумане
Стоишь такой, как в первый раз:
Со взором никнущим в обмане
Янтарно-черных скорбных глаз...

24. О ПРОШЛОЕ!

О бархатная радуга бровей!
Озерные русалочки глаза!
В черемухе пьянеет соловей,
И светит полумесяц меж ветвей,
Но никому весну не рассказать.

Забуду ли прилежный завиток
Еще не зацелованных волос,
В разрезе платья вянущий цветок
И от руки душистый теплый ток,
И все, что так мучительно сбылось?..

Какая горечь, жалоба в словах
О жизни, безвозвратно прожитой!
О прошлое! Я твой целую прах!
Баюкай, вечер, и меня в ветвах
И с соловьиною лелей мечтой.

Забуду ли в передразлучный день
Тебя и вас, озерные глаза?
Я буду всюду с вами, словно тень,
Хоть не достоин, знаю, и ремень
У ваших ног, припавши, развязать.

25. ЗАЧЕМ?

Зачем ты говоришь раной,
алеющей так тревожно?
Искусственные румяна
и локон неосторожный.

Мы разно поем о чуде,
но голосом человеческим,
и, если дано нам будет,
себя мы увековечим.

Протянешь полную чашу,
и я – не руку, а лапу.

Увидим: ангелы пашут,
и в бочках вынуты кляпы.

Слезам и черной кровью
сквозь пальцы брызжут
на глыбы; тужеет вымя коровье,
плодятся птицы и рыбы.

И ягоды соком зреют,
и радость полощет очи...
Под облаком, темя грея,
стоят мужик и рабочий.

И этот – в дырявой блузе,
и тот – в лаптях и ряднине:
рассказывают о пузе
по-русски и по-латыни.

В березах гниет кладбище,
и снятся поля иные...
Ужели бессмертия ищем
мы, тихие и земные?

И сыростию тумана
ужели смыть невозможно
с проклятой жизни румяна
и весь наш позор осторожный?